

Цвет непуганой нимфы

Гастроли балета Римской оперы

Дягилевский репертуар с итальянским акцентом.

независимая — 2003 — 27 мая — с 7

Майя Крылова

Андрис Лиэпа все время напоминает нам о балетном наследии «Русских сезонов». Он снял фильм-балет «Шехеразада», а в последние годы без устали предлагает различным театрам услуги по постановке балетов Михаила Фокина и Вацлава Нижинского. Мариинский театр предложение частично принял, Москва — нет. И тут проекты Лиэпы совпали с интересами его хорошей знакомой Карлы Фраччи, нынешней директрисы балета Римской оперы. В рамках фестиваля «Черешневый лес» (и словно в назидание дирекции ГАБТа) Лиэпа организовал гастроли итальянского балета с дягилевским репертуаром. Из Италии на Новую сцену Большого привезли «Шехеразаду» Фокина в возобновлении Андриаса, «Весну священную» и «Игры» Нижинского (спектакли восстановили из небытия американка Миллисент Хадсон и англичанин Кеннет Арчер).

Не оставляющая сцену Фраччи ныне исполняет балеты, где много взмахов руками и простые движения ног, но сложная координация дает возможность показать пластическое мастерство. В босоном па-

фосе ее «Трех танцев Айседоры Дункан» угадывается одна из лучших Жизелей и Сильфид XX века. Подходит Фраччи и партия в «Играх» (роль, некогда созданная для Тамары Карсавиной). Этот маленький, но стильный пусячок для солиста и двух солисток, незаслуженно забытый сразу после премьеры

юноши-теннисиста, сочиненную Нижинским для себя, превосходно исполнил Алессандро Молин). В «Фавне» семенили испуганные нимфы, в «Играх» бродят непуганые нимфетки. В обоих балетах царствует бессознательная слепая сексуальность. И всюду фирменные знаки хореографии Нижинского:

Можно спорить, насколько вообще поддается реконструкции хореография, которая не исполнялась много десятилетий

в 1913 году, первый в истории балета спектакль, где танцевали в современной спортивной одежде, напоминает о другой знаменитой постановке Нижинского — «Послеполуденный отдых фавна». Там был античный мифологический герой, одержимый своим либидо, здесь — демонстрирует это спортивный герой XX века, лелеющий свое холеное тело (роль

профильные позы на полупалках, полуприседания враскоряку, ходьба с пятки, невыворотные стопы носками внутрь и звериные «потягушки» всем телом.

Можно спорить, насколько вообще поддается реконструкции хореография, которая не исполнялась много десятилетий. Лучше попробуем вообразить эти «Весну священную» и

«Игры» как тактический способ приближения к великому оригиналу. Лиэповская «Шехеразада», танцы которой явно осовременены, на Апеннингах приобрела более аутентичный вид. В то время как российские артисты далеко не всегда справляются со стилями привычной классики, римляне точно реагируют на предложенный им танец. В первый вечер главные партии в «Шехеразаде» танцевали наши. У холодноватой Илзе Лиэпы и темпераментного Николая Цискаридзе чувствуется внутреннее табу на открытый сценический эротизм. Рассказывать телом о теле у нас не очень умеют. А итальянцы, Гайя Стракоморе с пластикой пантеры и Марио Мароцци станцевали это пиришествие плоти так, что небесам стало жарко.

В брутальной пшаманской «Весне» тяжело притопывающая, «приземленная» масса вершила языческий обряд весеннего жертвоприношения. Десяносто лет назад в «Весне» Нижинский открыл эстетический принцип, к которому по сей день стремится современное искусство. Он заставил зрителя думать, отобрал у публики чувство психологического комфорта.